

СОДЕРЖАНИЕ

Политика и привилегии искренности:	
предисловие к русскому изданию	5
Перерождения искренности	8
Политика искренности	16
Привилегии искренности	18
Благодарности	22
Введение. Искренность, память, маркетинг, медиа	24
Акцент на искренности	27
Новая искренность: рабочее определение	34
Новая искренность: мой подход	44
Целительная искренность: искренность и память	49
Искренность и расчет: «я» как товар	54
Искренность и подлинность в (пост)дигитальном мире	60
Исследование искренности	64
Исследование искренности: постсоветский анализ	72
New sincerity — новая искренность: транснациональный подход	79
В заключение	82
Глава первая. История	85
Искренность выходит на сцену: от древности до ранней модерности	88
Россия: дерзновение и искренность	96
XVIII век: опасный язык сердца	101
Русский сентиментализм: искренние граждане царя	104
Долгий XIX век: новые смыслы искренности	109
Долгий XIX век: Россия	115
Европа начала XX века: «Что есть искренность?»	128

После войны:	
дисконфорт, деконструкция, дигитализация	141
Новое, пост-, постпост-: искренность сегодня	148
Послевоенная Россия: «Как можно быть искренним?»	154

Глава вторая. «Но ведь так хочется искренности!»:

годы перестройки и после	161
Постпанк и «новое»: новая искренность в 1980-х годах	162
Искренность — постмодернизм — травма	177
Так хочется искренности: Пригов	185
«Безумно искренний»: читатели Пригова	197
Поэтика похмелья: современники Пригова	205
«Стёб с душком»: реакционные завихрения	213
Память, маркетинг, медиа:	
новые ракурсы интерпретаций	220
Память, конфликт и целительная искренность:	
заключение	226

Глава третья. «Я лично дважды прослезился»

Искренность и жизнь в посткоммунистическом мире	231
1990-е и 2000-е годы: построение канона	
новой искренности	232
Литература: постпостмодерн и ярлыки	
новой искренности	235
Искренность и Сорокин	240
Верность себе: «Трилогия»	241
«Непосредственная речь»: «Трилогия» и Сорокин	244
«Это я серьезно»: публичный образ	255
Постмодернизм, поза, личность: рецепция	259
«Корыстные интересы»: искренность и стратегия	265
Искренность и жизнь в посткоммунистическом мире:	
заключение	281

Глава четвертая. «Такая, типа новая искренность»	292
Новый век, новые медиа	292
Массмедиа, «попомо», правдоподобие: в ожидании искренности	295
Медиатизация и «новая искренность»	297
Новая искренность и цифровые медиа	305
«Жужжание в блогах»: онлайновый (ново)искренний дискурс	307
«Публичная искренность» в российских цифровых медиа	315
«Too much, Mr. Prigov!»: взгляд медиа(прод)юзера	326
Онлайновая подлинность и искренность: оды несовершенству	330
«Новая искренность XXXL»: технология и несовершенство после коммунизма	340
Искренность и подлинность: выводы	347
Заключение. Мечты об искренности	350
Список использованной литературы	360
Указатель имен	401

ПОЛИТИКА И ПРИВИЛЕГИИ ИСКРЕННОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Задрала «новая искренность».

Все эти прыщавые блогеры, сиястые влогеры, вымороженные гречки-монеточки, корявые фотографии, лайк-петроглифы, которыми щеголяют в своих постах даже уважаемые люди, хайпожоры всех мастей, модные предприниматели без единого достижения за душой, коучево племя, скрипучие ютуберы и просто достойные люди, которые теряются в этом мутном потоке и выглядят такими же мудаками, как и все.

15–20 лет назад я писал стихи, и критики справедливо причисляли меня к предвестникам этой самой «новой искренности». Но я не предполагал, что она окажется настолько лицемерной и вместе с ней на нас выльется все дерьмо этого мира.

Давайте уже обратно постмодернизм. Ну, или нормальную искренность, старую.

*Дмитрий Соколов-Митрич*¹

У людей (во время коронакризиса. — Э.Р.) как будто бы появилось некое представление о новой искренности, потому что вдруг стало абсолютно возможно попасть домой ко всем людям. Кажется, что вся эта глянцевоcть наших виртуальных аватаров в соцсетях улетучилась, растворилась в воздухе. Мы долго создавали идеальные образы себя, а тут мы каждый день общаемся без макияжа, без идеального интерьера квартир, и для всех это стало новой нормой.

*Михаил Шишкин*²

Предисловие к русскому изданию этой книги я пишу весной 2020 года в импровизированном домашнем офисе в Амстердаме во время коронакарантина. Интересно, спросила я себя,

¹ *Соколов-Митрич Д.* Задрала «новая искренность» // [smitrich.livejournal.com](https://smitrich.livejournal.com/2018.22.июля). 2018. 22 июля (<https://smitrich.livejournal.com/2213732.html>).

² Комментарий к онлайн-бару *Stay the Fuck Home*, 11 апреля 2020. Цит. по: *Корниенко М.* «Новая искренность»: как социальная культура меняется в условиях карантина // ВВС Русская служба. 2020. 11 апреля (<https://www.bbc.com/russian/features-52181080>).

а не является ли кризис COVID-19 поводом для обновления тех разговоров о перерождении искренности, которые я анализирую в этой книге? Оказалось, является. Онлайн-поиск явно показал, что пандемия послужила предлогом для нового этапа дискуссий о «правдивости» и «выражении подлинных чувств», как Ожегов определяет значение слова «искренность»¹. В этом отношении коронакризис не уникален. Он — последний и особенно радикальный пример целого ряда социальных потрясений, которые породили новые разговоры о старом вопросе «Согласуются ли наши чувства со словами?».

Как относится риторика искренности к социальным потрясениям? Этот вопрос я подробно рассматриваю в данной книге. В этом предисловии я ставлю себе две цели. Первая: объяснить, почему я считаю, что глобальные и российские дискурсы об искренности заслуживают того пристального внимания, которое я на них обращаю. Как я покажу в дальнейшем, они прочно занимают внимание широкой аудитории — включая тех, кого лично не затрагивает или даже, как писателя Дмитрия Соколова-Митрича, «задрала новая искренность»². Вторая цель: переосмыслить выводы об «искренности после коммунизма», которые я сделала в первом, английском издании этой книги. В каких случаях эти выводы актуальны и сегодня, а где они требуют дополнения в свете недавних событий?

Добавлю две оговорки. Первая — об источниках, на которых анализы основываются. К середине 2010-х годов, когда я закончила рукопись книги, то ли еще не вышел, то ли до меня не дошел ряд важных публикаций о главных темах и фигурах, встречающихся в этой книге. Среди этих работ: монография Наталии Рудаковой «Losing Pravda», анализирующая

¹ Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь Ожегова. 1949–1992 (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/75774>).

² Там же.

медиа и этические установки в современной России¹; «Post-Soviet Jihadism» — диссертация, в которой историк Данис Гараев прослеживает «стремление к искренности, правдивости... и вере», распространенное среди постсоветских джихадистов и восходящее к интуициям московских концептуалистов и российских адептов «новой искренности» (таким образом открывается важный разговор об искренности и религии, который в данной книге только мерцает)²; и богатое собрание новых исследований творчества Дмитрия Пригова и Владимира Сорокина — двух ключевых имен в моем описании современной литературы³. Опасаясь, что напишу новую книгу, я выдержала соблазн интегрировать их выводы в данном издании — но для более полного понимания «искренности после коммунизма» обращение к этим исследованиям все же необходимо.

Вторая оговорка: я отохожу от традиционного подхода к культурным трендам, который учит нас, что те или иные тенденции мигрируют из «просвещенного» Запада в «менее развитую» Россию, обращаясь к транснациональному подходу⁴. Подобный подход означает, что я обсуждаю русскоязычные дискуссии об искренности не как исключительно национальные или локальные ответы на уже существующий

¹ Roudakova N. *Losing Pravda: Ethics and the Press in Post-Truth Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

² Garaev D. *Post-Soviet Jihadism*. Dissertation. University of Amsterdam, 2018.

³ См. особенно: Деготь Е. Дмитрий Александрович Пригов. М.: Ад Маргинем, 2014; Добренко Е., Калинин И., Литовецкий М. (ред.) «Это просто буквы на бумаге...» Владимир Сорокин: после литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2018; Пригов и концептуализм / Сборник статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2014; Ямпольский М. Пригов: Очерки художественного номинализма. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

⁴ Защитники транснационального подхода утверждают, что язык, культура и национальная идентичность не совпадают (человек, который говорит на русском, скажем, не обязательно владелец российского паспорта), но что «язык и культура должны рассматриваться как потоки осмысления, проходящие поверх границ» — Byford A., Doak C., Hutchings S. (eds) *Transnational Russian Studies*. Liverpool: Liverpool University Press, 2020. P. 6.

западный дискурс. Как я попытаюсь показать, эти дискуссии — одновременно часть глобальных, национальных и региональных дебатов об искренности. Они одновременно влияют и отвечают на эти дебаты.

ПЕРЕРОЖДЕНИЯ ИСКРЕННОСТИ

Начнем с первой цели — а точнее, с вопроса: почему мы должны изучать российские и глобальные дискурсы о новой искренности?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала вернусь к публичной дискуссии о COVID-19. Коронакризис актуализирует запрос на правительство, руководствующееся искренними побуждениями, как 11 апреля 2020 года заявил американский политик и бывший директор ФБР Джеймс Коми. «Аутентичность, честность и... оптимизм — вот необходимые компоненты лидерства во время кризиса»¹. В комментарии, в котором явно присутствует издевка над Трампом, он продолжал: «Искренность — в отличие от приукрашивания ситуации — позволяет людям немного расслабиться, зная, что лидер всегда скажет, что им нужно знать и когда им нужно это знать. Это позволяет людям переложить часть своего эмоционального бремени на плечи лидера, давая им шанс найти некоторую устойчивость в шторме»².

Коми, другими словами, в коронакризисе увидел стимул для возрождения классических лидерских качеств: искренности

¹ *Comey J.* We Know What Good Leadership in a Crisis Looks Like. This Isn't It // Washington Post. 2020. April 11 (<https://www.washingtonpost.com/opinions/2020/04/11/james-comey-people-crave-leadership-when-they-are-afraid-they-arent-getting-it/>). Русский перевод см.: *Коми Д.* Коронавирус актуализирует запрос на искренность // Актуальные комментарии. 2020. 14 апреля (<http://actualcomment.ru/koronavirus-aktualiziruuet-zapros-na-iskrennost-2004141027.html>).

² *Ibid.* В русском переводе используется слово «искренность», в английском оригинале Коми говорит о *candor* — слово, которое на русском также переводится как «откровенность» и «прямота».

и аутентичности. В другом контексте журналистка Мария Корниенко в нем увидела иную «новую искренность» и толчок к новым проявлениям «социальной жизни»¹. В тот же день, 11 апреля 2020 года, для Русской службы Би-би-си Корниенко составила обзор онлайн вечеринок, диджей-сетов, тренингов и других «новых форм совместного досуга»². В качестве особенно популярной онлайн-инициативы она описала *Stay the Fuck Home* — виртуальное кафе, которое к этому времени выросло в целую «барную улицу» из четырнадцати оживленных онлайн-заведений. Сооснователь проекта Михаил Шишкин объяснил популярность бара жаждой «новой», отчетливо неглянцевой онлайн-«искренности»³: в баре, по его словам, общение происходит «без макияжа, без идеального интерьера квартир», что для всех посетителей «стало новой нормой».

В том же обзоре специалист по коммуникации Оля Полищук подтвердила мнение Шишкина. С ее точки зрения, в период карантина сформировались более крепкие социальные связи, и доступ к пространству, который предоставляют онлайн-встречи, одновременно добавлял человечности и тревоги к общению: дом — ведь это «интимное пространство»⁴.

В том, что в онлайн-барах мы и вправду перестаем волноваться о внешности, я сомневаюсь, но мнения Шишкина, Полищука и — на другом конце мира — Коми меня интересуют не как последняя истина о пандемиях и искреннем самовыражении. Я их анализирую не с целью утверждать, что сегодня искренность *на самом деле* принимает новые формы, так и не с целью дать *свое жестко фиксированное определение* «новой искренности». Их комментарии меня интересуют по другой причине. Я изучаю их как показатели более широкого

¹ Корниенко М. «Новая искренность».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

социального и дискурсивного тренда, который я наблюдала все те 10 с лишком лет, что я профессионально изучала риторику искренности. Этот тренд можно обозначить так: когда за последние десятилетия возникали (как крупные, так и более скромные) социальные сдвиги, за ними неизменно следовали дискуссии о новых формах искренности, якобы родившихся в результате данного сдвига.

Голландские историки культуры Эрнст ван Альфен и Мике Бал верят, что данная тенденция имеет довольно старые корни. По их словам, начиная с эпохи раннего модерна понятие искренности всегда выходит на первый план «во времена межкультурных противоречий и конфликтов»¹. Мои кейсы показывают, что интерес к искренности расцветает не только в периоды межкультурных столкновений, но также во времена внутрикультурных смут. Помимо этого они показывают, что сегодня этот интерес — это интерес не просто к искреннему поведению, а именно к *новой* или *возрожденной* искренности. Искренность сегодня — диалектическое понятие². Для одних критиков и мыслителей ее нельзя понять вне контекста постмодернизма (парадигму, на которую с энтузиазмом откликнулись прежде всего ранние глашатаи «новой искренности»); для других она немыслима вне той «старой», «нормальной» (говоря словами Соколова-Митрича³) искренности, которая стала ключевым культурным концептом в эпоху ранней модерности⁴.

¹ Bal M., van Alphen E. Introduction // Bal M., Smith C., van Alphen E. (eds) *The Rhetoric of Sincerity*. Stanford: Stanford University Press, 2009. P. 1.

² О «новой искренности» как «диалектическом» термине см. также: *Buckland W. Wes Anderson: A «Smart» Director of the New Sincerity?»* // *New Review of Film and Television Studies*. 2012. № 10 (1). P. 1–5.

³ *Соколов-Митрич Д.* «Задрала новая искренность».

⁴ Об искренности как «определяющей черте западной культуры» см.: *Trilling L.* *Sincerity and Authenticity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971. Кардинальную роль, которую риторика искренности сыграла в российских публичных дискурсах начиная с XVIII века, я раскрываю во второй главе своей книги.

Материал, который я исследую в своей книге, хорошо показывают и эту диалектичность, и взаимосвязь между риторикой искренности и социальными сдвигами. На основе анализа дискуссий о литературе, кино, искусстве и, отчасти, музыке, моде, дизайне, телевидении и онлайн-медиа я показываю, как между 1980-ми и серединой 2010-х годов русскоязычные дискуссии о новой искренности проходят три фазы. Между серединой 1980-х и поздними 1990-ми годами разворачивается первая фаза, реагирующая прежде всего на распад Советского Союза. В поздние 1990-е и 2000-е годы наступает время второй фазы, тесно связанной с развитием постсоветской рыночной экономики. Наконец, в третьей фазе — начиная с середины 2000-х до середины 2010-х годов — разговоры о возрождении искренности часто представляют собой ответ на дигитализацию социальной коммуникации. За каждой из этих трех фаз за социальными сдвигами следуют дискуссии о возрожденной или новой искренности и, соответственно, о социальной травме (как ответ на распад СССР в творчестве Дмитрия Пригова и концептуалистов), коммодификации (как ответ на рыночные реформы в дискуссиях о Владимире Сорокине и таких художниках, как Олег Кулик) и медиа (как ответ на развитие цифровых медиа в блогах о (поп-)культуре и политике). И в каждой фазе эти дебаты отчасти пересекаются со спорами о «новой искренности», идущими в США и других регионах мира.

В своей книге я изучаю период, заканчивающийся примерно в середине 2010-х годов, — но в последние годы я наблюдала, что внимание к искренности продолжало усиливаться. В середине и второй половине 2010-х диагноз «новой искренности» снова стал набирать популярность именно в ответ на фундаментальные социальные сдвиги. Когда российские войска вторглись в Донецк в 2014 году, журналист Андрей Перцев описал как «новую искренность» новоявленный кремлевский обычай открыто поддерживать медийные

манипуляции общественным мнением. «Новая искренность», по Перцеву, — это ситуация, «когда пропагандист не врет»¹. Когда популярность Дональда Трампа резко возросла в преддверии выборов 2016 года, блогеры и журналисты стали связывать его предвыборную кампанию с «постироническими» и «новыми искренними» тенденциями в поп-культуре². Трамп, по мнению американского журналиста Аарона Колтона, «почувствовал одержимость нашей культуры искренностью и довольно изобретательно преобразовал ее в популистское нагнетание страха»³. Когда в поздние 2010-е годы женщины в разных странах мира стали делиться в онлайн-пространстве пережитым ими опытом сексуального насилия, журналистка Мария Смирнова подытожила: «„Новая искренность“ в интернете... изменила нашу жизнь»⁴. Ее коллега Ольга Кочкина суммировала произошедшую перемену так: «В эпоху новой искренности место бравурных интервью прочно заняли истории» — то есть истории влогеров, блогеров и пользователей соцсетей⁵. Тремя годами позже, как мы видели, снова было провозглашено возрождение искренности — на этот раз в ответ на мировой кризис здравоохранения.

¹ Перцев А. Новая искренность: когда пропагандист не врет // Republic. 2014. 3 октября (<https://republic.ru/posts/45976>).

² См., например: *Claydon R.* Donald Trump: The Post-Ironic Leader // The Ironic Manager. 2015. 22 декабря (<https://theironicmanager.com/blog/donald-trump-the-post-ironic-leader/>); *Colton A.* Donald Trump and the «New Sincerity» Artists Have More in Common than Either Would Like to Admit // Paste. 2016. 9 августа (<https://www.pastemagazine.com/politics/donald-trump-and-the-new-sincerity-artists-have-mo/>).

³ *Colton R.* Donald Trump and the «New Sincerity» Artists.

⁴ *Смирнова М.* Что такое «новая искренность» в интернете и как она изменила нашу жизнь // Стиль. 2018. 27 июля (<https://style.rbc.ru/life/5b5997489a7947356f7d36f6>).

⁵ *Кочкина О.* Границы и мосты новой искренности. Культурный код поколения Z // Сигма. 2019. 11 сентября (<https://syg.ma/@olgha-kochkina/kochkina-olgha-granitsy-i-mosty-novoi-iskriennosti-kulturnyi-kod-pokolieniia-z>).

Примеры, которые я здесь сопоставляю, показывают, что культурные критики задают вопрос о том, «что такое искренность сегодня?», в ответ на социальные изменения. Они также показывают, что разные критики дают радикально отличающиеся друг от друга ответы на этот вопрос. Не случайно можно услышать о «новой искренности» и от Соколова-Митрича, который в ней видит «лицемерный» поток «всего дерьма этого мира», и от Шишкина, который утверждает ее как благодетельное противоядие от онлайн-гламура¹. Не случайно о ней можно узнать и от Перцева, который применяет это понятие к политике Кремля, и от журналиста Максима Кононенко, который на сайте «Говорит Донецк» с помощью этой же конструкции критикует экоактивизм Греты Тунберг и акции протеста против расизма и сексизма².

Разнообразие определений не подрывает, а, наоборот, подчеркивает то, чем ценны современные дискуссии об искренности. Их следует изучать как можно детальнее не потому, что они скрывают непротиворечивую правду о нашем времени, и не потому, что наше время есть не что иное, как время возрождения искренности. И они заслуживают внимания не потому, что нам нужно оперативно разоблачить дискурс о «новой искренности» как ложный. Публичные размышления о дистанции между тем, что человек думает и чувствует, и тем, как он выражает себя, мне кажутся важными по другой причине. Эти дискуссии — прекрасная отправная точка для анализа того, что канадский философ Чарлз Тейлор назвал «социальное воображение» («the social imaginary»). По словам Тейлора, «социальное воображение» обозначает «способы, которыми люди представляют свое социальное

¹ *Соколов-Митрич Д.* «Задрапа новая искренность»; М. Шишкин цит. по: *Корниенко М.* «Новая искренность».

² *Перцев А.* Новая искренность; *Кононенко М.* Что такое это ваша новая искренность // *Говорит Донецк.* 2019. 4 сентября (<https://fromdonetsk.net/chto-takoe-eta-vasha-novaya-iskrennost.html>).

существование, как они взаимодействуют друг с другом, как складываются отношения между людьми, как возникают ожидания, которые обычно оправдываются, а также более глубокие нормативные представления и образы, лежащие в основе этих ожиданий»¹.

Тейлор использует теорему «социального воображения» применительно к определенному месту и времени; его анализы западной модерности нельзя переносить на российскую почву оптом. В ней отведено слишком скромное место конфликту и конкуренции — тем расколам, которые характеризуют любой социальный процесс, включая те, которые идут в современной России². Но его идеи о том, как люди представляют и обсуждают свое социальное окружение — мощный инструмент для анализа соотношений экономических, публичных и нормативных социальных режимов, как институционализированных, так и менее формальных. Эти идеи, говоря словами норвежского слависта Коре Йоханн Мёр, помогают понять, «что именно важно для общества»³.

Что важно для общества — можно отчетливо увидеть каждый раз, когда общественный сдвиг встряхивает существующие социальные отношения, ожидания и ценности. Среди них вопрос «Соотносятся ли намерения людей с их словами?» занимает центральное место. Историки показали, что, скажем, в эпоху Ренессанса дискуссии об искренности отражали тогдашние реакции на изобретение печати и рост

¹ *Taylor C. Modern Social Imaginaries. Durham, NC: Duke University Press, 2004. P. 23.* О «социальном воображении» см. также: *Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987.*

² О подобных проблемах с теоретическим языком публичности и публичных сфер — с которыми идеи Тейлора отчасти соприкасаются — и о феминистской и постколониальной критике гегемонии этого языка см.: *Вайзер Т. Идея сборника // Вайзер Т., Атнашев Т., Велижев М. Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России. М.: Новое литературное обозрение, 2020.*

³ *Mjor K.J. Reformulating Russia: The Cultural and Intellectual Historiography of Russian First-Wave Émigré Writers. Leiden: Brill, 2011. P. 37.*

городов¹ и что в XIX веке за «культом искренности» стояла обеспокоенность индустриализацией и растущей мобильностью². В моей книге показано, что в позднем XX и раннем XXI веке русскоязычные дебаты об искренности помогают лучше понять реакции на распад СССР, коммодификацию и дигитализацию. И, наконец, на рубеже 2010-х и 2020-х годов за вопросом «Что означает искренность здесь и сейчас?» стоит рефлексия о политической пропаганде, мировой пандемии и о том, насколько дигитализация способствует дебатам о социальном и гендерном неравенстве.

Наблюдая дискуссии об искренности, можно понять, что именно важно для общества сегодня, — и я рада, что мой анализ этого ключевого сюжета станет известен русскоязычному читателю. Русский перевод моей книги радует меня и по другой причине: он позволяет мне переосмыслить выводы первого издания книги. Пересматривая эти выводы на рубеже 2020-х годов, я спросила себя: актуальны ли все выводы первого издания сегодня или они требуют дополнения и пересмотра в свете недавней истории?

Главный тезис книги — дискуссии о возрождении искренности отражают реакцию на фундаментальные социальные сдвиги — остается в силе и сегодня. Дискурс о «новой искренности» последних пяти лет не заставил меня отказаться от мысли о том, что дебаты об искренности и социальные перемены соотносятся друг с другом. *Как* именно они соотносятся — это вопрос, сегодня требующий дополнительного осмысления. Между серединой 2010-х и сегодняшним днем возникли новые вопросы о соотношении социальных перемен и рефлексии об искреннем поведении — вопросы, о которых

¹ *Bal, Smith, Van Alphen (eds). The Rhetoric of Sincerity.*

² *Halttunen K. Confidence Men and Painted Women: A Study of Middle-Class Culture in America, 1830–1870.* New Haven: Yale University Press, 1982 (см. особенно Р. 34–35 о «культе искренности» в среде современного американского среднего класса).

я пока мало говорю в своей книге. Здесь я лишь коротко коснусь тех двух недоотвеченных вопросов, которые мне кажутся наиболее важными.

ПОЛИТИКА ИСКРЕННОСТИ

Первый вопрос: как соотносятся современный русскоязычный дискурс об искренности и политическая риторика? В моей книге политика отнюдь не замалчивается, но она занимает скромное место по сравнению с материалом, принадлежащим литературной и художественной сферам. После публикации книги я более подробно стала обдумывать отношения между дискурсами об искренности и политикой. В трех коротких анализах я вместе с другими специалистами предлагаю первые попытки распаковать политику искренности, характерную для современной России.

Во-первых, основываясь на работе историков и экспертов по истории «политики искренности»¹, я обратилась к истории советской риторики «новой искренности»². Мой анализ показал, как в советском эмоциональном режиме политику публичной искренности настойчиво насаждали сверху — и, когда нужно, силой. В советской России убедительные саморазоблачения могли спасти жизнь, а упрек в лицемерности зачастую приводил к обратному. Формальный укор в неискренности мог привести не просто к увольнению

¹ «Политика искренности» — термин Элизабет Марковиц; см.: *Markovits E. The Politics of Sincerity: Plato, Frank Speech, and Democratic Judgment.* University Park, PA: Penn State University Press, 2008. О «Святом Граале искренности» и искренности как политическом и «моральном идеале» см. также: *Magill R. J. Sincerity: How a Moral Ideal Born Five Hundred Years Ago Inspired Religious Wars, Modern Art, Hipster Chic, and the Curious Notion That We All Have Something to Say (no Matter how Dull).* New York: W. W. Norton, 2012. Исследования политической истории искренности в Советской России я подробнее обсуждаю в главе 1.

² *Руттен Э. Советская риторика искренности // Неприкосновенный запас.* 2017. № 3.

с работы или к социальной изоляции — а, как в случае Николая Бухарина, к расстрелу¹. Более глубокое понимание тогдашнего дискурса искренности необходимо не только историкам: оно также помогает лучше понять сложную взаимосвязь между нынешним языком искренности и корпоративным или политическим успехом.

Во-вторых, совместно с голландской слависткой Барбарой Роггевеен мы обратились к риторике искренности, задействованной Владимиром Путиным и Алексеем Навальным². Основываясь среди прочего на исследованиях «политической маскулинности» украинской социологини Татьяны Журженко, мы показали, что оба политика активно используют дискурс доверия и искренности³. Путин применяет этот дискурс с целью укрепить дипломатические отношения и в агрессивно-популистской и подчеркнуто маскулинной «борьбе с политкорректностью»⁴. Навальный прибегает к языку искренности как к инструменту разоблачения «лицемерных» властей, напротив, используя его для укрепления собственных претензий на власть.

Третья (и последняя) публикация, в которой я рассматриваю политическую риторику искренности, — разговор о «реакционном постмодернизме» с Марком Липовецким. Последний ввел этот термин в 2018 году в специальном блоке материалов «Постмодернизм в эпоху „правых поворотов“ и популизма», опубликованном в журнале «Новое

¹ О советской политической культуре, выдвигающей искренность как «последнее мерило» приверженности партии и нравственной чистоты, также пишет Игал Халфин, на чью работу я ссылаюсь более подробно в главе 1. См.: *Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, 2003. P. 271.

² *Роггевеен Б., Руттен Э.* Риторика искренности в сегодняшней России // Неприкосновенный запас. 2020. № 4 (132).

³ *Zhurzhenko T.* The Importance of Being Earnest: Putin, Trump and the Politics of Sincerity // Eurozine. 2018. 26 февраля (<https://www.eurozine.com/importance-earnest-putin-trump-politics-sincerity/>).

⁴ Ibid.

литературное обозрение»¹. В «реакционном постмодернизме», по словам Липовецкого, мы находим «подмену внешне похожими, но, по существу иными, если не контрастными дискурсивными составляющими, нейтрализующими критический потенциал постмодернизма». Я проследила сходный современный поворот к «реакционной искренности». Между серединой 1980-х годов и настоящим временем критический разговор об искренности постепенно менял облик. Из любимого занятия русских постмодернистов он превратился в дискурсивную игрушку таких кумиров нового патриотизма и постправды, как Ксения Собчак и Владислав Сурков². Этот реакционный поворот — который я также (но значительно менее подробно) обсуждаю в книге³ — в полном ходу и сегодня.

Анализ реакционной искренности, языка Путина и Навального, а также советской риторики искренности — ключевые дополнения к моей книге. Но они лишь одни из первых шагов в области изучения русскоязычной политики искренности. Более детальное описание этой политики, несомненно, поможет нам ответить на немаловажный вопрос: как, борясь за власть, политические акторы используют претензии на собственную искренность и обвинения в лицемерии других?

ПРИВИЛЕГИИ ИСКРЕННОСТИ

Кроме вопроса о политике искренности в своей книге я мало касаюсь еще одного важного вопроса: как риторика искренности относится к проблеме гендера и, шире, к проблеме социальных неравенств?

¹ *Липовецкий М.* Псевдоморфоза: реакционный постмодернизм как проблема // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19759/).

² *Руттен Э.* Реакционная искренность // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19761/).

³ Об этом см. главу 2.

Центральные фигуры, которые я рассматриваю, — Дмитрий Пригов, Владимир Сорокин и, в меньшей мере, Дмитрий Воденников, Лев Рубинштейн, Олег Кулик. Женские голоса в моем анализе намного менее слышны. Еще тише голоса тех, кого «общество определяет как небелых людей», говоря языком теоретиков «белой привилегии»¹. Я заметила это неравновесие еще на ранней стадии исследования, но тогда решила, что материал сам диктует выбор центральных фигур. Так уж получилось, рассуждала я, что влиятельнейшие голоса в этой дискуссии принадлежат (белым) мужчинам (средних лет). Со временем, однако, я стала задавать себе вопрос: насколько самоочевидно центральное место именно этих голосов в истории искренности после коммунизма? Сегодня я в большей степени, чем в ранние 2010-е годы, склонна ответить на этот вопрос отрицательно. Социальные привилегии не только *объект* дискуссий о «новой искренности» (как в репортажах о харассменте Смирновой и Кочкиной), они также влияют на вопрос: а кого мы слушаем и слышим в этих дискуссиях. Не нужно быть мужененавистником или радикальным активистом — точно так же, как не нужно отвергать ценность работы Пригова и Сорокина, — чтобы понять, что гендерный дисбаланс в дискуссиях об искренности — не случайный фактор. Напротив, это результат того системного гендерного неравенства, которое мы видим по сей день в интеллектуальном дискурсе не меньше, чем в других областях; видим и в России, и, скажем, на моей родине, в Голландии².

¹ См.: *Rothenberg P. (ed.) White Privilege. New York: Worth Publishers, 2011; Wekker G. White Innocence. Paradoxes of Colonialism and Race. Durham, NC: Duke University Press, 2016.*

² О гендере как исторической и актуальной социальной проблеме см. следующие русскоязычные публикации в журнале «Ф-письмо» (<https://syg.ma/f-writing>); *Ушакин С. (ред.) О муже(N)ственности: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2002; Здравомыслова Е., Темкина А. Двенадцать лекций по гендерной социологии. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015.*

Не случайно совсем недавно голландская литературоведка Корина Коолен, основываясь на анализе цифровой среды, показала, что женское авторство до сих пор ассоциируется с более низким литературным качеством¹. Содержательные исследования Коолен приводят к ясному выводу: когда роман, стихотворение или литературный манифест написаны женщиной, их «шансы обрести литературный престиж» сокращаются².

Дискурс об искренности окрашивают и другие, не менее системные виды социальных неравенств. Можно, например, задать себе вопрос о том, почему в русскоязычных дискуссиях о возрождении искренности редко слышны голоса культурных меньшинств?³ Моя чувствительность к этой и другим проблемам, связанным с социальными привилегиями, — не случайность. Она прямо вытекает из дискуссий о гендерных, расовых и классовых неравенствах, которые сегодня столь оживленно ведутся и внутри и вне академии. Пост-, деколонизальные, неомарксистские, новые феминистские аналитические дискурсы нередко осуждают как «шумиху», «дешевый активизм» или — хуже того — «опасный ревизионизм». Осторожность таких критиков понятна. Но было бы ошибкой, скрываясь за предупреждениями, игнорировать фундаментальные социальные вопросы, которые поднимаются этими направлениями исследований.

Чем дискуссия о привилегиях важна для рефлексии об искренности, хорошо показывает критическое чтение «Бесконечной шутки» (*Infinite Jest*, 1996) — *opus magnum* амери-

¹ *Koolen C.* Reading Beyond the Female: The Relationship between Perception of Author Gender and Literary Quality. PhD Thesis. University of Amsterdam, 2018.

² *Ibid.*

³ О том, как «великий канон русской прозы» (и, можно добавить, русской литературы в целом) давно «игнорирует культурные меньшинства», см.: *Emerson C.* The Cambridge Introduction to Russian Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 4.

канского глашатая «новой искренности» Дэвида Фостера Уоллеса. «Предполагаемая новая искренность *Бесконечной шутки*, — пишут американские литературоведы Джоэль Робертс и Эдвард Джексон, — направлена исключительно на белых персонажей романа», и «этот процесс работает за счет небелых и женских персонажей»¹. Исследователи заключают, что «формы расистского и сексистского исключения» не просто окрашивают, но «составляют очевидную основу новой искренности этого романа» и, таким образом, «призваны вернуть белых мужчин на позиции обоснованного культурного авторитета»².

Литературоведческий анализ — в отличие от модной игры академических «хайпов» — способствует размышлению о том, кто имеет больший, а кто меньший доступ к роли публичного защитника искренности. Ответ на этот вопрос звучит по-разному в разных локальных контекстах: в США проблема расового исключения имеет определенную историческую динамику, а в контексте советских и постсоветских (нон)конформистских кругов, которые я изучаю, ни «белая привилегия», ни «культурный авторитет» не являются самоочевидными понятиями³. Но вопрос о привилегиях постсоветской искренности (то есть вопрос «Насколько искренность после коммунизма — маскулинная, „белая“ искренность?») заслуживает внимания. Я надеюсь, что в будущих публикациях его не будут обходить стороной.

¹ Roberts J., Jackson E. White Guys: Questioning Infinite Jest's New Sincerity // *Orbit: A Journal of American Literature*. 2017. Vol. 5 (1). P. 1–28. О расовом неравенстве (о расовой стереотипизации) и новой концептуализации искренности (и подлинности) см. также: Jackson J. *Real Black: Adventures in Racial Sincerity*. Chicago: Chicago University Press, 2005.

² Ibid.

³ Для полезной дискуссии проблемы советского и постсоветского культурного авторитета — которая усложняет традиционные дихотомии официальных властей и контркультур — см.: Lipovetsky M., Smola K. (ed.) *Russia — Culture of (Non)Conformity: From the Late Soviet Era to the Present*. Special Issue // *Russian Literature*. 2018. Vol. 96–98.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мысли, которые я излагаю на последующих и предшествующих страницах, мои; но они обильно пропитаны интеллектуальной и творческой щедростью других. Хочу выразить благодарность за время и помощь своим академическим коллегам Йосту ван Баку, Сандеру Броуверу, Отто Буле, Максиму Вальдштейну, Виллему Вестстейну, Эмме Виддис, Гасану Гусейнову, Евгению Добренко, Вере Зверевой, Деннису Иоффе, Кэтрионе Келли, Иоахиму Кляйну, Лисбет Кортхалс Алтес, Ади Кунцман, Игнунн Лунде, Бригитте Обермайр, Биргит Менцель, Риккардо Николози, Мартину Поулсену, Оливеру Реди, Барбаре Роггевеен, Станиславу Савицкому, Наталье Самутиной (которой очень не хватает), Игорю Смирнову, Владу Струкову, Ирине Суш, Дорин Схеллингс, Дирку Уффельману, Молли Флинн, Саймону Фрэнклину, Эрику де Харду, Джэне Хоулетт, Хернике Шмидт, Михаилу Эпштейну, Александру Эткинду и Раулу Эшельману. Студентам и аспирантам в Амстердаме, Кембридже и в других университетах, где мне довелось озвучивать выводы, содержащиеся в этой книге, отдельное спасибо. Они поделились со мной огромным количеством полезных работ и мыслей, и именно в дискуссиях с ними я постепенно стала видеть, что сложную проблему привилегии уже нельзя откладывать в сторону как детище радикалов и что она заслуживает серьезного внимания культурных историков.

Особая благодарность Илье Кукулину и Марку Липовецкому. Вдохновляющий разговор с ними — в течение дня, проведенного в поезде, а потом и в других местах — сильно повысил мою чуткость к размышлениям об искренности позднесоветских и современных российских писателей и художников. Мартье Йансе, Брехту Ламерису, Судхе Раджагопалену и Йенни Стеллеман я благодарна за богатые и полезные комментарии к отдельным главам. Оле Рябец и Линеке

Лейт благодарю за тяжелую охоту за изображениями. Ксению Галееву благодарю за дружбу и за тонкое шестое чувство, помогающее найти релевантные тексты, фото и клипы.

За поддержку русского издания книги, работу над ней и за терпение сердечно благодарю Илью Калинина, Татьяну Вайзер и Ирину Прохорову; за русский перевод — мой глубокий поклон Андрею Степанову.

Кроме помощи академических и редакционных экспертов, мне также сильно помогли доработать мои аргументы практики современной культуры. Благодарю за время и энергию, вложенные в заполнение анкеты, краткую фейсбук-заметку или многочасовое интервью за ужином, Сашу Бродского, Надежду Бурову, Дмитрия Воденникова, Сергея Гандлевского, Дмитрия Голышко-Вольфсона, Аллу Есипович, Хэлли Йонгериус, Тимура Кибирова, Дафнэ и Веру Коррелл, Сергея Кузнецова, Олега Кулика, Джейсона Момберта, Антона Осмоловского, Ольгу Паволгу, Евгения Попова, Андрея Пригова, Льва Рубинштейна, Владимира Сорокина и Дашу Фурсей.

За институциональную поддержку я признательна NWO (Netherlands Scientific Organization) за возможность провести исследовательский проект Rubicon/Reclaiming the Reader, на выводы которого опирается книга. NIAS (Netherlands Institute for Advanced Study) я признательна за возможность работы над русской версией книги. Университет Кембридж, Пембрук-колледж, Кембриджский Centre for Research in the Arts, Humanities and Societal Sciences, Университет Бергена, Университет Амстердама, ASCA (The Amsterdam School for Cultural Analysis) и Амстердамский Boekman Bibliotheek предоставили вдохновляющие интеллектуальные возможности, поддерживающие меня в то время, как я проводила свои исследования. А за очаг в самом глубоком значении этого слова благодарю Томаса ван Далена, Ульви ван Дален и ее четвероногих собратьев — Гарибалди и Фатитути.